

Саша из Белого города

Короткий роман

Мечта

Саша мечтала — вырасту, стану красивой цыганкой с чистой смуглой кожей. пышные волосы узлом затяну. Строгий английский костюм и туфли на шпильках и — пройду между пестрыми крикливыми цыганками. Никогда не буду толстой, неопрятной, в мужских стоптанных башмаках.

Папа, родившийся у русских отца и матери, тоже о цыганах мечтал. Пятнадцатилетним парнишкой удрал из дома в табор. Его приняли. Кажется, он увел коня из колхозного табуна...

Отец же его, Сашин дед, всю речку Десну в районе Бежицы с багром прочесал в поисках утопленника. Спустя лето табор откочевывал в иные места, и отец Саши вернулся домой, на всю жизнь сохранив любовь к простору, звездам, живому огню костров и лошадям.

— Саша, — спросил отец, — ты правда хочешь вырасти в цыганку? У тебя не получится!

— Почему?

— Потому что ты русская девочка.

— Это навсегда?

— Это навсегда, — сурово ответил папа.

...Долго сидела Саша, прижавшись к отцу, переживала. А потом сказала успокоенно:

— Значит, и в мужчину никогда. Правда?

— В мужчину не вырастешь, — улыбнулся папа.

Космос начинается с неба

Ранним утром тысяча девятьсот пятьдесят шестого года худенькая бо-соногая девочка лет семи сидела на берегу лимана и думала о жизни:

— Зачем все это, — спрашивала она себя, — эти разговоры между людьми, что невозможно жить, не умирая? Обязательно умирать? Вон сколько кладбищ понастроили — кресты, памятники, гробы, — что, не могут придумать таблетку? Они враги, жареный лук едят, воняют гуталином и цветочным одеколоном и все время врут. И зачем-то — учат, наказывают, как будто я не человек, а животное. Заставляют есть, когда аж тошнит. Или

спать, когда не хочешь. Прямо не дают жить. Сама вырасту. И не буду умирать из-за их гадства. Уйду, как только вырасту, вот прямо сейчас уйду, чтобы не умереть однажды.

— Саша, Саша! — надрывался мамин голос. — Где ты? Домой иди!

— Ну вот, — Саша поднялась, вытащила из кармана дулю, покрутила, разжала пальцы и отозвалась: — Иду-у!

Лиман был широким, из Белого города на Овидиополь ходил паром, медленный, ленивый. Всегда дождь лил, когда приходилось переправляться. Саша мучилась терпеливо — потом, после парома и дождя, начинался путь на автобусную станцию. Идти нужно было мимо умытого виноградника по грунтовой дороге. И только потом душный маленький автобус привозил в Одессу.

Саша любила место, с которого начинался город: асфальт, два бронзовых льва и фонтан — Дерibasовская, галдящая и суетливая, все натываются друг на друга. Слева от Городского сада поворот на треугольную площадь, с которой виден Дюк, всегда стоящий спиной, глядящий в море. Саше хотелось, чтобы памятник оглянулся.

...Мама велела руки вымыть и обедать, а не витать неизвестно где.

— Известно где, — строптиво сказала Саша.

И посмотрела на маму внимательно. У мамы толстая коса вокруг крапивой головы, глаза в солнечных крапинках и злые сросшиеся брови.

— Известно где, в Одессе.

— Что в Одессе? — спросила мама.

— Витаю в Одессе.

— И как там? — думая о чем-то своем, сказала мама.

Саша поняла, что отвечать необязательно.

— Не ешь левой рукой!

— Сказала бы спасибо, что вообще ем, — помрачнела Саша.

Вообще ем этот ее борщ с вареной капустой — папа говорил, что если есть капусту в борще, то вырастут сиськи, как у тети Жени. Большие и мягкие. Как будто я хочу такие сиськи... С отвращением отодвинула тарелку:

— Не буду!

— Не надо, — неожиданно согласилась мама.

В это время радио торжественно заговорило о непонятном. Спутник запустили в космос.

— Что такое спутник? — спросила Саша.

— Это тот, с кем ты идешь куда-нибудь, — невнимательно ответила мама.

— А что такое космос?

— Это бесконечное небо, — прищурившись, мама чесала шпилькой в ухе и морщилась раздраженно.

— А начало у него есть?

— Какое же начало, если оно бесконечное, — непонятно сказала мама. — Бесконечность, это когда нет начала и нет конца.

— А что есть? — спросила Саша. — Что в ней тогда есть-то? Это круг, что ли?

— Нет, это наполнено воздухом во все стороны, и в нем плавают звезды, Луна и Солнце, и девять планет. Может быть, планет больше, теперь вот там еще будет летать наш спутник.

— Почему наш?

— Потому что это советский спутник, — ответила мама.

Отодвинутая Сашей тарелка борща осталась незамеченной, и она, воспользовавшись невнимательностью мамы, выскочила за дверь. Это самый любимый момент жизни, — подумала и рассмеялась: как здорово закрыть дверь и дышать ветром!

Если долго смотреть в космос, что получится? Откуда лучше? С высоты, конечно! Саша помчалась на высокий берег лимана, залезла на шелковицу и, прижавшись к ветке, засмотрелась в небо. В небе висела птица. Она висела неподвижно и вдруг взмахнула крыльями. Медленно кружась, с высоты падало перо. Саша слезла с дерева и перо нашла. Ястреб, решила, и опять забралась на дерево. И к ней пришла мысль. Сначала одна, потом другая, потом зазвучали в голове слова непонятные, вроде кто-то включил радио. И Саша запомнила: если космос, то сначала — небо, потом высота, птицы полет и голоса. И научилась на всю жизнь играть в игру, о которой никому не рассказывала долгие годы, потому что — тайна.

Годы прошли... Мама с папой переехали в Одессу, потому что был шестьдесят первый, и Сашин папа попал под хрущевское сокращение армии, и его уволили навсегда.

Теперь офицерская плащ-палатка забыто висела на вешалке, Саша иногда залезала в ее темное пахнущее походами нутро, внюхивалась, придумывала разное... Про войну, путешествия... Вслушивалась в шуршание прорезиненной ткани.

Перестали по ночам прибегать за папой посыльные... Мама перестала собирать папины вещи в "тревожный чемоданчик", стала меньше волноваться — как он там, на полигоне, успеет ли вовремя поесть, передохнуть?

После трудной войны папа тяжело заболел, но не хотел увольняться, а мама была настоящей офицерской женой — готовой, "как нитка за

иглой", переезжать со всеми "бебехами" куда угодно, лишь бы быть с папой рядом.

Так что Саша росла в гарнизонах, и переезд в любимую Одессу был для нее праздником. Но и началом непонятной жизни, где все, что раньше было целым, весь огромный мир, наполненный ветром, настоящим на солнце и степном духе, наполненный плеском верхоплавок в лимане, частыми слепыми дождями и свободными людьми из Белого города, знающими, что такое интересно жить, — этот мир, привычный и любимый Сашей, стал рассыпаться.

Отрочество

Постепенно военные тревоги в доме успокоились, и папа обживался в новой жизни "на гражданке", а семья помогала ему справляться с тоской по армии. Папа скучал и, чтобы превозмочь, пошел переучиваться с артиллериста на инженера-строителя.

В новом мире все вдруг стало для Саши отдельным, все стало само по себе, не объединенное космосом, в который, как жданная гостья, входила девочка через дверь на шелковице. Тутовое дерево, раскидистое и старое, как старая турецкая крепость у него за спиной, осталось покинуто стоять на высоком берегу Днестровского лимана.

Люди в большой Одессе искали друг друга, но негде им было объединиться, кроме как в местах скучных и скученных: трамваях, магазинах, на Привозе, куда Сашу стала брать мама по субботам за покупками — приучая к домоводству.

Даже новая, городская школа оказалась для Саши неинтересной и непрягающей. А раньше, в детстве (сейчас ей уже исполнилось десять лет!), люди объединялись в более подходящих, в ее понимании, местах: у норы тарантула на солнцепеке или могилы скифского князя, что в степи у мясокомбината, или у гаубицы, там, где вообще лазить было нельзя, но хотелось и — получалось.

Детство закончилось, поняла Саша, и надо теперь строить новый мир, не жить же в их взрослом, чтобы умереть от этого однажды. Надо обживать иной, чем есть в Одессе, мир, вдруг и сразу разонравившийся, Одесса взрослой жизни испугала.

Начало этой жизни было неправильным, потому что завязывалось на желтый нейлоновый бант. Его каждое утро вплетала мама в рыжую Сашину косу. Вид у банта был болезненный, и Саша чуяла, что из-за него пло-

хо кончится начало взросления. Так и вышло. Вся пожелтела, вся! Даже глаза! Из-за этого ее отправили с урока природоведения домой вместе со звеньевой пионерского отряда Томой Политовой. И для Тамары этот уход с занятий плохо закончился. И она пожелтела.

Оказалось, что желтый бант Саши окрасил в желтый цвет половину четвертого класса "Д", и в школе из-за чертова этого банта объявили карантин. Бант заразил всех болезнью Боткина. Она так по-настоящему и называлась: желтуха.

Когда выздоровела, Сашу освободили от многих школьных предметов: и физкультуры, и украинского языка, даже математику можно было пропускать иногда, когда болело в правом боку и кружилась голова.

— Саша, — спросила Наташка, — ты почему побила Яхедца тапком? Он тебе на мозоль наступил?

— Еще чего — он мне кончик косы бритвой отрезал!

— Так и что, ты же давно хотела отрезать всю косу.

— Так это я сама хочу, а не чтобы кто-то насильничал.

— И потому ты сама насильничала?

— Я — в ответ. Чтобы не стать беззащитной. А то привыкну, и все, кто чего захочет, — то и сотворят со мной. Как со всеми этими во внешнем мире.

— С кем с "этими", в каком таком мире? — спросила Наташка.

— Внешний мир — это родственники и знакомые кроликов, а кролики — мы.

— Я не кролик, — гордо сказала Наташка, — я — человек.

— А, ну тогда понятно, — задумчиво протянула Саша, — тогда тебе надо озаботиться и прожить жизнь так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы. Тогда тебе надо учиться, учиться и учиться. И тогда из тебя точно выйдет толк. Вопрос в том, что останется?

— Сильно ты завзятая, — Наташка дала обидный поджопник, и Саша, отлетев, молча поднялась, встряхнулась по-собачьи и затаила на дуру Наташку опасное чувство мести.

Саша мстила беспощадно, умело выжидая, пока обидчик подставится и можно будет его за руку схватить, обязательно публично. Компрометируя раз и на всю оставшуюся жизнь. Чтобы ему таки стало мучительно стыдно.

Девочки дружили уже несколько лет — Наташка была крепка физически и с четвертого класса покровительствовала бледной и хрупкой Саше. Доучившись до девятого, они хорошо узнали друг друга, и Наташка поня-

ла, что совершила ошибку. Она увидела, как сощурилась Саша, как побледнела и губу закусила.

— Эй, — она хлопнула подружку по плечу, — не дуйся, я сглупила.

И по тому, как промолчала Саша в ответ, поняла, что извинениями не обойдешься. Придется пережить неизвестно что, с Сашей всегда неизвестно, во что выльется любовь ли, ненависть, — самое непонятное, что пришлось пережить однажды гордой Наташке, это равнодушный взгляд Саши на поножовщину во дворе школы. Дрались Гришка Назаров и Аркаша Соллогубенко. Гришка отморозок, второгодник, Аркаша занюханный интеллигент. Сашин друг. Дрались из-за Саши. Она стояла, прикрыв глаза, и не смотрела. Но и не уходила. Все суетились, бегали, руками размахивали. На Сашу орали, мол, — что, не видишь? Не смотрела. А потом неожиданно для всех стала между, прямо под нож, и не успел Гришка руку затормозить. А она успела свольтировать, нож по касательной задел, распоров правый рукав коричневого форменного платья и оцарапав. Но выражение равнодушия надолго застряло на Шашином лице.

Сейчас Наташка не знала, что сделать, чтобы вывести подружку из ступорного мстительного молчания. Она на физике подошла к Шашиной парте и, сказав обидное, уронила на пол папку с рефератом, над которым Саша работала вторую неделю. Из папки рассыпались фотографии кинорубок и киноаппаратов (отец Саши работал инженером в управлении кинофикации и помогал). И вот Саша сначала молча смотрела на Наташку, потом кивнула понятливо, поднялась и влепила пощечину.

Физичка обеих за шиворот выставила из класса. Класс недоуменно молчал.

Наташка поняла, что отделалась малой кровью.

Одного не поняла Наташка, да и как это было понять? Того, что все между ними закончилось. Пять лет дружбы закончились.

Наташка поймет это спустя школу, когда Саша позвонит в ее дверь и скажет:

— Ты хотела узнать, что происходит, когда совершаются непоправимые ошибки? Я пришла тебе рассказать об этом.

Это спустя три с половиной года...

Дружбу так и не удалось склеить.

Что-то с Сашей было не так. Со всеми другими — так, а с Сашей — нет.

И тогда Саша придумала найти высокий берег над морем, и обязательную шелковицу, как было в Белом городе над лиманом. Чтобы сходить в гости к Космосу и разобраться со всем окончательно. А еще ей надо было

узнать, что делать дальше, как жить в мире, не принявшем почему-то ее, Сашу.

Одиноко бродила она по-над пляжами, внизу бормотало море. Берег осыпями сбегал к прибою, привнося в запахи йода — запах цветущей ромашки. Изредка встречались сиреневые бессмертники, и Саша думала, что там, где бессмертников больше, там она и найдет свою шелковицу, двери в заждавшийся ее Космос.

Что на дереве растет?

Саша носила сандалии, а мечтала о теннисных тапочках. Однажды она убежала из дома и отправилась гулять по городу. Стоял жаркий пыльный июнь. Город был старый, городу было очень много лет. Нет, веков. А может быть, даже тысячелетий. Над берегом Днестровского лимана высилась турецкая крепость — с башнями, подъемным мостом, но он уже больше не поднимался, потому что сломались механизмы, глубоким рвом вокруг съеденных, словно зубы старика, стен.

Возле крепости археологи раскапывали глубокий город, в котором жили древние греки. Саше о них рассказывал папа тогда, когда ей еще не было девяти лет. Когда сандалии купили, в начале лета, тогда нога еще в них помещалась, а теперь пришлось прорезать дырки для больших пальцев, и они торчали из приспособленных к росту ноги ненавидимых Сашей сандалий. Она стеснялась и мечтала о новых теннисных тапочках из пахучей кожи. Но мама ворчала, что не напасешься, а бабушка говорила, что полезно бегать босой, а папа сам дырки и прорезал — так что никакого сочувствия к Сашиним переживаниям и мечтам никто не проявлял.

Недалеко от Сашиной школы был базар, мусорный, галдящий, воняющий. За рыбными рядами стояла старая липа. На нижней ветке листья были обглоданы жарой, и вместо них там росло что-то невероятное. Саша даже зажмурилась — не поверив. На нижней ветке, прямо над головой — росли синие тапочки. Теннисные. Как синие кожаные листья. Связанные шнурками и перекинутые через ветку, они покачивались. Они взгляд Сашин приковывали. И она их хотела. Саша поняла, что эти синие тапочки — ее. На дереве выросли, потому что — мечта. И вот она их нашла!

Кто-то спросил:

— Твои тапочки, деточка?

Кто-то их снял и дал Саше. И Саша держала тапочки, смотрела

на них — пока солнце не скатилось в лиман. Боялась, что отберут. Не верила своему счастью. И знала, что никому не отдаст, потому что — для нее выросли. Но уйти не решалась.

Никто не обращал на Сашу и тапочки внимания. И когда уборщик сказал, чтобы она не торчала, как столб, и не мешала мусор мести, Саша села в пыль и переобулась.

Тапочки были тюфелька в тюфельку — и уверенная в чуде, Саша побежала домой.

Находки

— Папа, — сказала Саша, — посмотри, какая ложечка! Золотая! С камешками...

— Это немецкая, трофейная, — сказала толстая тетя Женя. — Аким из Германии привез.

Взрослые отвлеклись, а Саша положила ложечку в карман. И забыла о ней.

Потом она долго шла с папой по улице Энгельса вдоль забора воинской части, в которой папа служил, и загребала пыль синими теннисными тапочками. Пыль была теплая, глубокая. Саша споткнулась о камень, подбила его и вспомнила о ложечке. Повертела удивленно в руке и, размахнувшись, бросила далеко в пыль:

— Папа, папа, а что мы сейчас найдем! — закричала радостно.

— Что? — заинтересовался папа.

— А вот посмотрим!

И Саша кинулась искать в пыли. Могла бы и не найти. Но — нашла. И, торжествуя:

— Вот что! — протянула папе ложечку.

Папа как-то странно посмотрел на Сашу и сказал:

— С камушками. Для солонки ложечка. Пуд соли съесть. Ну что же, начнем есть наш пуд соли, — и отдал Саше находку.

— Знаешь, Саша, — сказал папа, — почти восемь лет назад закончилась большая война. С фашистами. Наши солдаты, когда гнали немцев в их Германию, проходили по разным чужим странам. И везде в пыли дорог случались находки. Некоторые из нас поднимали их и привозили к себе домой. Некоторые брезговали. А некоторые брали, пока были глупыми, а потом умнели и начинали брезговать. Потому что находка находке рознь. Понятно?

— Нет, — честно сказала Саша. — Если находка, то это уже мое, а никакая не рознь. Почему брезговать?

— Ну, как же не рознь? Вот твоя ложечка... — папа покрутил ухо. — Сначала дядя Аким нашел ее в Германии и привез домой. Потом ты ее еще раз нашла у него... а потом в пыли. И посчитала своей. А теперь как раз рознь и начинается. Теперь ведь ложечку надо дяде Акиму нести, отдавать. Рассказать, как это получилось. И тете Жене сказать...

— А кому сказать про мои синие тапочки? Опять на дерево повесить, чтобы дальше росли? Они-то точно мои, — сказала Саша уверенно. — Я же тебе говорила, как в тот раз все было, помнишь?

— Да, — у папы голос стал напряженным, — тапочки твои, потому что — некому отнести. А что на дереве выросло, то Бог послал, наверное. Но с ложечкой иначе, ее Бог дяде Акиму послал, а себе ты сама послала ложечку, ведь правда? Так что давай-ка вернемся.

И они вернулись. Папа сказал дяде Акиму, что у Саши возникла проблема, она ее решит, а мы пока покурим.

Вот они курили, а Саша ложечку незаметно положила, откуда взяла. Никому ничего не сказала. Чтобы розни не случилось.

Папа не спросил, как Саша решала свою проблему. Они опять шли долгой пыльной дорогой, и папа рассказывал:

— Когда же моему батальону пришлось переплывать Дунай на плотях, то мой чемодан рядом с пушкой лежал. И весь расчет, солдаты мои, сидели на плоту. А мне нужно было на лодке к другому расчету подплыть, ну, я поплыл. А в тот плот, где солдаты, пушка и мой чемодан — прямое попадание.

Саша уже знала, что это значит, — это столб огня, воды, никого живого, и пушки лежат на дне.

— Я сразу понял, почему так произошло, — сказал папа зло. — Потому что на плоту мой чемодан стоял. А в чемодане — коричневое кожаное пальто. Новенькое. Мечта, а не пальто. Понимаешь, в том городе, из которого мы переправлялись, прямо на площади был магазин кожаных изделий. И в его витрину въехал подбитый танк. Я — тоже въехал в эту витрину, ну, не я один. Туда все, кто мимо проходил, заглядывали. Что-то находили себе, что подходило. Я вот пальто нашел. Это первая моя на войне такая находка.

— Какая? — чутко уловила Саша что-то незнакомое в папином голосе.

— А вот когда находка находке — рознь. Такая вот находка... Когда снаряд попал в мой плот, я понял, что не Бог мне пальто послал, а сам

я его взял, где не надо. Нельзя. И потому-то снаряд точнехонько в мой чемодан попал.

И тихо сказал:

— С тех пор глаза утонувших солдат на меня по ночам смотрят. А я — никогда ничего больше не брал... не находил. Чужого. И своего не отдавал. Берегся. Всякой вещи свой хозяин должен быть. Настоящий.

Прошло несколько дней. Саша как-то, когда папа пришел со службы обедать, подседа к нему:

— Па, а дядя Аким ведь не знает, кому ложечку отнести?

— Не знает.

— Так пусть, как я, тихонечко отнесет и положит, где нашел...

— А синие тенниски? — спросил папа.

— Так я же их уже почти сносила... — растерялась Саша.

Папа потрепал Сашу за косичку и сказал, что нет уже того места, куда ложечку отнести можно. Дом был разрушен, иначе — никогда бы не нашел дядя Аким такой маленькой ложечки и не взял ее себе. Ему ее, как и Саше тапочки, Бог послал...

Наверное.

Первый на всю жизнь

Мокрица был белобрыс и толст. Звали его Валерка Мокринский. Однажды он захотел положить букет на Сашин подоконник, но не снаружи, а вовнутрь комнаты. Он залез на окно, просунулся в форточку, рассыпал цветы по подоконнику и дивану, который у окна стоял, и — не смог из форточки высунуться. Застрял попой наружу.

По этой попе его и хлопнул Сашин папа. Вытащил несчастного Мокрицу за ноги и ничего сказать не успел — так Валерка рванул...

Саша цветы собрала, поставила в вазу и решила, что несдобровать теперь Мокрице, опозорившему ее! Надо же — попа из форточки! Гадость какая. Но вазу на стол поставила. Цветы были ранние, только-только из-под снега.

Когда Саша сцепилась с Валеркой, она кричала ему:

— Гад! Первые цветы в жизни и — задница из форточки! Гад! Все испортил!

И — била Мокрицу камнем по плечу, а то и по голове бы дала, но — не дотянулась.

Мокрица камень отобрал и странно сказал:

— Ты, Саша, глупая. Если и дальше такой жить будешь, никто тебе цветов не подарит больше. И ты меня на всю жизнь запомнишь. Как первого и единственного.

Саша росла и всех отучивала дарить ей цветы. Она научила, чтобы ей вместо цветов дарили бусы, стеклышки ей нравились больше, чем быстро вянущие цветы. Мокринский ни при чем, просто смотреть на умирающие цветы в вазе, а потом выливать задохнувшуюся мертвую воду и вазу мыть — Саше противно. А вот гладить пальцами разноцветные бусинки, согреть стекляшки в ладошках ей нравится.

И всегда, когда Саша перебирает бусы, хранящиеся в большой вазе-лодке, она вспоминает Мокрицу, думая, что он умный. Был. Ведь Саша и впрямь запомнила его на всю жизнь — как первого и единственного.

...А Мокрица... Он плохо кончил — когда вырос. Опять залез в какую-то форточку. Застрял там. И его посадили в тюрьму.

Дети не ошибаются

У Людки Парфеновой, соседской девчонки, жила белая кошка с голубыми глазами. Гретка. Странная была кошка. Сидела, смотрела и не мяукала.

И Людка была странная. Похожая на свою Гретку.

Правда, глаза у Людки были зеленовато-рыжие. И она не молчала. И не сидела. А бегала, прыгала, болтала. Но все равно. Людка была похожа на Гретку.

Когда прошло много лет, Саша встретила случайно Людку, и стало понятно то, что раньше не понималось.

Людка была по-кошачьи грациозной. Она гибко двигалась, плавно перетекала из ног в грудь и руки, и в то же время — шла по улице мягкой вихляющей походкой.

В ней все было сосредоточено в какой-то удивительной подвижной гармонии. И еще... странность одна... Она заметилась спустя некоторое время, когда Саша опять случайно пересеклась с Людкой.

Людка оглохла. И стала похожа на Гретку еще больше. Выражением задумчивости, сосредоточенности на чем-то внутри себя.

И тут Саша поняла, что Гретка была глухой кошкой. Ведь все кошки — альбиноски с голубыми глазами глухи, об этом в книжке написано.

Так что первое впечатление о похожести Людки и Гретки было верным.

...Дети вообще никогда не ошибаются. И если прислушиваться к первому ощущению в себе, к безошибочности детского наблюдения, то, может быть, можно что-то изменить в будущем.

Например, предупредить нарастающую Людкину глухоту...

Арифметика

Чулки намокали постепенно. Уже были мокрыми косточки, которые торчали, как уши, — на каждой ноге по два коричневых уха. Выше, над ушами, чулки в резиночку были пока сухими, но по узеньким бороздкам уже ползла вверх влага.

Когда коленки станут мокрыми, я заболею, подумала Саша. Обязательно заболею. И не нужно будет решать, какой резервуар наполнится водой и за какое время.

Резервуары были из задачки, а задачка под номером тридцать четыре — в учебнике арифметики для третьего класса.

Саша не умела решить ее, и мама в наказание выставила неумеху за дверь. В одних чулках.

Мама не заметила, что дождь, что левый тапочек под столом, а правый — на стуле.

Когда Саша сидела, правая нога всегда забиралась на стул, коленка торчала выше головы. За это девочку пугали противным словом "сколиоз". "У тебя будет сколиоз!" — и Саша чувствовала, как он подкрадывается: скользкий, извивающийся, как дождевой червяк.

И вот она стоит на крыльце в мокрых чулках, переступает с ноги на ногу и кутается в продранную на рукаве красную шерстяную кофту.

О маме Саша не думает. Не сердится на нее. У девочки еще нет злой памяти.

...Поздний вечер. Жарко. Ладонки мокрые, особенно если провести по лбу. Лоб тоже мокрый. И волосы, туго заплетенные в косицы, по косе над ухом, мокрые.

Мама говорит:

— Иди, помоги раздеться Саше. Что она возится там так долго?

"Долго там так... там так..." — стучит у Саши в голове, и голова похожа на казанок, в котором варится картошка в мундире. У Саши температура.

Подходит старшая сестра, стягивает с Саши платье, расстегивает байковый лифчик, и он падает Саше на коленки. Саша встает с кровати — лифчик соскальзывает и повисает на резинках. Сестра наклоняется, отстегивает резинки, уносит лифчик и платье.

Саша стоит, а чулки медленно сползают. Сегодня чулки сухие, сегодня мокрые голова, руки, думает Саша.

На полу валяется свернутый листок. Заходит сестра, поднимает его и разворачивает. На листке решение арифметической задачи номер тридцать шесть. Из пункта А в пункт Б выехали два поезда; известно время отправления и скорость, надо узнать, на каком километре они встретятся.

— Саша, — говорит старшая сестра маминым строгим голосом, — Саша, ты опять списала задачу у Витьки Шилова!

Витька Шилов — футболист. У него крепкие ноги в китайских кедах "два дракона", круглые глаза, как вишня-шпанка, и вихор над упрямым лбом. "Корова языком лизнула", — говорит учительница Прасковья Емельяновна.

Саша любит Витю, и поэтому, когда дежурит, ставит на его парту чернильницу с голубым футболистом. Это единственная чернильница с таким рисунком, и в классе, когда дежурит Саша, никто на нее не претендует.

— А вчера на уроке арифметики случилось невообразимое, — рассказывала Сашина подружка Лорка Коросташевская Витке Кириченко по дороге из школы домой. — Поднимает Сашка руку, ну мы ахнули, это на арифметике-то! Думали — отвечать хочет, чуть не умерли от удивления. А она вдруг: "Прасковья Емельяновна, пересадите меня, я хочу с Витей Шиловым".

— И что? — делает губки бантиком Витка. — Пересадила?

— А Прасковья Емельяновна спрашивает: "Почему?"

— Сашка отвечает: "Я его люблю". Тут уж мы все вымерли — и в хохот. А Саша стоит молчит. Щеки у нее знаешь какие? Когда она молчит, щеки у нее, как у маленького бульдога трясутся, и такое лицо, такое... Прямо хочется его спрятать ото всех... А Прасковья Емельяновна сказала, что вот бывает любовь к маме с папой, бывает к Родине, а Саша любит Витю, так тоже бывает, и это хорошо.

— И пересадила? — Витка волнуется, смотрит во все глаза.

— Нет. Не пересадила. Наверно, чтобы Сашка не списывала у него арифметику. Шилов лучше всех задачки решает.

Прошло много лет жизни. Саша все еще не умеет решать арифметические задачи на сложение и вычитание.

Муж подарил ей карманный калькулятор. Но Саша стесняется проверить продавца в магазине: а вдруг он правильно сдачу дал, и Саша недоверием обидит его?

Впрочем, в Сашиной жизни плохо не только с арифметикой. Есть еще более безнадежное. Например, муж. Это вовсе не Витя Шилов. Это совсем другой человек. И он тоже... не в ладах с арифметикой.

Паразитские дети

В чужом сарае к потолку подвешена авоська. В авоське — вареная курица. Дети перелезают из сарая в сарай (это несложно, стены до потолка не доходят) и находят авоську. Курицу съедают, а косточки, аккуратно обглоданные, складывают обратно.

Через некоторое время крик:

— Паразитские дети, кто сожрал курицу?! — кричит тетя Рая; ее муж капитан Вырублев пришел на обед.

...Мы живем на территории военного городка на улице Красноармейской. Отцовская часть расположена за забором из острых железных пик, между прутьями мы иногда застреваем, и солдаты нас спасают, сильными руками выгибая пики.

Время нашего детства — это счастливое и богатое время. Война уже лет семь как закончилась. Правда, еще нет холодильников, стиральных машин и телевизоров, нет газовых плит, и водопровод в доме не проведен. Зато у всех у нас есть папы, и они приходят на обед — все в одно время, к пяти часам.

И вот тетя Рая орет про курицу, и нам стыдно, что из озорства мы ее съели. В тот вечер все мы принесли по куску своих куриц тети Раиному мужу на ужин. И Вовка, сын капитана Вырублева, утром рассказывал, что мама и папа хохотали как ненормальные, а потом позвали майора Груднева с женой (это Наткины родители), и они выпивали на кухне, пели песни и закусывали нашими курицами, толкуя о том, какие мы все-таки замечательные паразитские дети...

Кривоногие красавицы

Сашу любят дети. Потому что она способна даже в праздничном белом платье, когда идет игра в "казаки-разбойники", перелезть через забор, проползти под проволокой и подраться по необходимости. А потом не плакать над испачканным и порванным.

Она молча, потряхивая щеками, постирает платье в лимане и будет одиноко сидеть в голубых трусах на берегу, ожидая, пока просохнет.

Сашина мама спуска Саше не дает, но и уважает в ней самостоятельность. Поэтому не советует Саше празднично одеваться, странно при этом говоря:

— Не надо вводить себя в искушение. Как только ты вырядишься, так обязательно захочешь, чего нельзя. Нет чтобы пойти в скверик или на качели — ты норовишь в какой-нибудь сарай или на помойку. Лучше одевайся просто, это для тебя естественнее.

И Саша безвылазно ходит в коротких пышных штанишках на бретельках. Никто из девочек не надел бы таких. А она любит быть не как все. На голове у Саши тюбетейка, на ногах — теннисные тапочки.

Но все равно Сашу любят, даже девочки. Потому что Саша многое знает о разных вещах. Знает, в каком веке какие платья носили женщины разных народов. Она рисует бумажные наряды для картонных кукол. Лица у кукол не похожи друг на друга.

Особенно девочкам нравятся Шашины восточные красавицы. Глаза у них узкие, в длинных ресницах, а ноги растут прямо изо рта. Саша говорит, что восточные красавицы все на длинных тонких ногах, чтоб удобнее было скакать на лошадях. И кривоногие. Для своих наездниц Саша рисует прозрачные шаровары или, как она смешно говорит, шальвары. Восточных красавиц она раздаривает.

— Саша, — спрашивают девочки, — а откуда ты знаешь, какие на Востоке ноги?

— А моя прабабушка персиянка, у нас ее шальвары свадебные в сундуке хранятся. Когда я буду выходить замуж, я их надену!

Но девочки подозрительно смотрят на Шашины не кривые, не длинные ноги. Саша грустно говорит:

— Так у нас же кровь, испорченная русскими. Прабабушку выкрал прадедушка из Персии, на коне из-за забора, а потом... утопил, как Стенька Разин. Прямо в свадебном наряде!

— А как же шальвары в сундуке?

— Так шальвары она успела снять, — отмахивается Саша.

Новое о законе Ома

Она сидела в гнезде на большом орехе и учила закон Ома. Но закон Ома не входил в голову, занятую менее серьезными вещами, чем завтрашний экзамен по физике.

У меня, думала она, прекрасное имя — Екатерина. Оно на каждого, с кем

знакомлюсь, уже влияет. Великая — обязательно добавят! Это неизбежно влияющий исторический штамп, как если шапка, то значит, Мономаха.

У Екатерины (великой!) ореховые глаза. И тело ореховое. И мозги, как ореховые ядрышки. И еще у Екатерины (потому что великая) есть своя ореховая роща.

Ореховая роща захихикала.

Саша мрачно выглянула из гнезда и сказала голосом, как тусклое стеклышко, которое хорошо бы протереть краем сарафана, поплевав сначала.

Сказала девочка роще:

— Почему тебя смешит Екатерина? — и уже к концу фразы стеклышко засверкало.

— Ша-ша-са-ша, — прошептал рыжий муравей, и Екатерина на него уставилась. Через стеклышко.

— Откуда знаешь меня?

Муравей тоже захихикал. Ему отозвалась роща, защелкав, зачирикав.

— Не дурачься, великая, — продолжил муравей, пошевелив строго усиками, как физичка Эсфирь Исааковна. — Учи закон Ома.

— Ом, Ом, Ом, — забормотала Саша-Екатерина. И провалилась сквозь ветви на ковровую, в маргаритках и сурепке, траву.

Под деревом сидел индус Илюша, похожий на гуся. Голова его уплывала в полотенчатый тюрбан, тело было покрыто гусиной кожей. Из-под сидящего в позе лотоса Илюши, как перепончатые красные лапы, торчал пионерский галстук.

— Эй! — тихонько окликнула индуса-гусака Саша-Екатерина. — Эй, йог, подвинься! Ты на галстук сел.

— Аум! — булькнул Илья по-йоговски и поперхнулся от неожиданности. — Сколько билетов выучила, все?

— Закон Ома поперек стал, — честно ответила Саша и протянула ладонь, где под стеклышком сидел муравей. — Посмотри, сидит, и две пары усиков. На Эсфирь похож, да?

Илья посмотрел через стеклышко, а муравей погрозил ему свернутой в кулачок ножкой.

— Лежит твой муравей, а не сидит. И угрожает.

У Саши глаза зазеленели.

— Сидит, сидит, — заторопился индус. — Отчего бы ему не сидеть, если ты, к примеру, в гнезде сидишь. И Эсфирь сидит на скамеечке — похоже, нас выпасает.

Ребята повернулись к скамеечке. Эсфирь Исааковна вытащила из сумки будильник, и он зазвенел.

— И не удивляйтесь, дети, — сказала учительница, — пришла перемена. Думаю, бутерброды не помешают? У меня к вам вопрос...

— Экзамен завтра, — зашипела Саша индусу-гусаку.

— У меня к вам предложение, — поправила текст Эсфирь.

— Поешьте!

Саша еще больше, чем обычно, нахмурилась и тусклым голосом Екатерины — без стеклышка — вымучила:

— Сразу говорите, без обработки.

Индус ее сзади незаметно ущипнул. Как гусак, подумала Саша.

— Почему мои ученики на экзамене все знают, кроме закона Ома? Почему вы его на голову напялить не можете?

— Это одессизм, — сказала Саша. — Эсфирь Исааковна, вы неисправимая одесситка, и ваши речевые обороты входят в нас на века, все силы мы тратим на переработку языка из русского в одесский. Что же касается закона Ома, то ему лучше бы входить в нас исподволь, незаметно, с молоком, — и облизнулась на бутерброды.

И пока уминался хлеб с маслом, Эсфирь Исааковна незаметным голосом внятно повторила им закон Ома. Все тут же и закончилось.

Сидел под орехом индус Илюша, зубрил билеты. Сидела на ветке в гнезде Саша-Екатерина, зубрила билеты. Сидела-сидела на скамейке учительница, шевелила, как муравей, усиками, а потом фьюить... улетела птичкой. С будильником в клюве. Летела и думала: хорошие ребята. Зачем им закон Ома? Не выучат они его. Запомнят до завтра, перескажут даже не на пятерку и забудут навсегда. И уронила будильник прямо в гнездо к Екатерине.

Заверещал будильник. Вылетела из гнезда на голову индусу Екатерина великая, сшибла тюрбан, и покатались по траве, сцепившись и гогоча, Илья и Саша, а звонок трещал, отпуская их на перемену. До завтра, до экзамена.

Что скрыто в могиле

Скифская могила была возле мясокомбината.

Рядом, на крутых склонах, сбегающих в лиман, раскидывались богатства — это сваливали мусорные кучи из своих дворов жители Белого города.

Саша приходила с пустыми карманами, чтобы найти когда что. Сегодня были нужны новые цеха для завода, вырабатывающего электронное питание для других Сашиных заводов. Другие заводы были запланированы на субботу и воскресенье. А сегодня был вторник.

Все, что Саша хотела, она нашла сразу. И цилиндрические печи, и раскальватели породы, и фарфоровые перекрытия, и даже винтовые стволы с резьбой диаметра не более шести миллиметров. Всего было вдоволь на мусорных склонах.

Но когда в маленькую Сашину пятку воткнулся шип обводного карниза, и кровь потекла по желобку, вместе с болью тихая радость переполнила девочку: обводной карниз был из немецкой супницы хорошего фаянса и подходил для изоляции.

Пятку Саша почти сразу же залечила ленточной бурой водорослью и слизью лиманской верхоплавки.

Дохромав до могилы скифа, девочка протиснулась в центральную камеру, где гадили все, кому не лень было спрятаться, чтобы погадить. (Стеснялись солнца, открытости степи, вольного ветра.)

Саша проскочила камеру, задержав дыхание. И отодвинула край внутренней стены из разрыхленного временем желтого ракушняка. Образовалась узкая щель в промежуточную камеру. Сюда гадающие не добирались.

Здесь и находились первые заводы Шашиного мира. Они были основным фондом, базой для тех, что производили или перерабатывали сырье в первоприродные составляющие — чистый песок, сланцы, металлы, дробя и извлекая одно из другого. Здесь же случались и более таинственные и сложные процессы превращения: плохого — в хорошее, слез — в радость, испуга — в удивление.

В глубине скифской могилы Шашины заводы перерабатывали внешний мир взрослых людей, пачкающих все и везде, не только в первой, впускной камере, но и вдоль жизни и даже в собственных жилищах.

Закончив комплектование накопительного цеха, Саша протиснулась сквозь щель в древних плитах, сдвинув их, и неразграбленный мир по перерабатыванию взрослого гадства остался в темноте, среди пощелкивания и монотонного гудения. Это работали фондовые отсеки.

...Мимо мясокombината, когда заходящее солнце окрашивало красным все вокруг — и лиман, и степь над ним, и дорогу в Белый город, видневшийся вдалеке, Саше не было страшно возвращаться из своего мира работы и чистоты. Но было неприятно. И ежилась кожа меж лопаток, и в животе становилось холодно. Потому что этой же дорогой возвращались по домам мясокombинатские несунуны. Сумки их дымились, сладко пахли кровью и терпко — страхом убитых животных. И этот страх люди несли в свои дома. И съедали.

Воздух дышал испугом коров с глазами, похожими на спелые сливы, и розовых свиней с глазами умменьего отличника Витьки Плохотнюка,

и лошадей с гордыми шеями балерины Плисецкой, — Саша каменела от боли, когда из воздуха, сладкого и терпкого одновременно, из дымок над сумками несунув вдруг прозрачно выплывали облака, образы... Живые, узнаваемые.

И Саша вновь и вновь, каждое утро, чуть только солнце всходило над турецкой старой крепостью и дотягивалось до места, где кончался город и начиналась степь, бежала босыми, вымытыми с вечера маленькими ногами туда, где хранила молчаливо ее тайну скифская могила.

Бежала, чтобы построить, может быть, самый главный цех. Но для этого надо было научиться многому. И опуститься на другой уровень могилы, дойдя до основной камеры, где лежал князь.

Он-то и должен был подсказать Саше, где поставить шестигранник с сердечником из любимой фаянсовой чашки, еще не выброшенной на склоны городской мусорки, потому что разобьют ее только послезавтра, в четверг.

А до этого еще надо доработать. И Саша твердо знала, каждый вечер, возвращаясь красной солнечной дорогой в Белый город, что ее главное — впереди.

Выросла

— Всякий раз, покидая Одессу, — сказала Саша, — я проезжаю мимо моего детства. Я вижу из левого окна вагона, как оно убегает по Среднефонтанской к парку, что возле телецентра.

В парке стоит летний кинотеатр. Один из многих папиных кинотеатров, бесконечно им ремонтируемых, перестраиваемых, и таких неказистых, вынырнувших из совсем далекого далека, где лужи мне казались морями, а дома были большими, очень большими и совсем огромными, как кинотеатры.

У Саши всегда было пристрастие к кинотеатрам, особенно тем, дошедшим из начала пятидесятых, с заборами вместо стен, с дождями, льющимися на черные зонты зрителей, с мальчишками на деревьях, в Бог знает какой раз кричащими: "Вот он его сейчас! Не тот, а Гарри, он ему наподдаст левой снизу, спорим, что левой!".

А дальше будет дерево, и возле вылезшего, не поместившегося под землей корня, — самый большой из известных Саше муравейников. Саша знает, что он самый большой, она весь парк проползла на четвереньках, чтобы найти его. Здесь ее и отыскал папа, когда она вовремя не пришла после школы домой. И часто потом забирал отсюда, а Саша объясняла ему

муравьиные секреты. На почве этих секретов и возникли с отцом совместные, очень для них важные отношения...

А еще дальше будет дом, обычный, как все вокруг, пятиэтажная этажерка с квартирами вместо книг. Саша заглядывала в окна и представляла: за этим живут Фениморкуперы, а за этим — Вальтерскотты. Так и представляла, томами-семьями, обязательно во множественном числе. Саша жила на четвертой полке. Теперь, глядя с четвертого этажа на высоченный пирамидальный тополь, посаженный папой, Саше приходится задрать голову, потому что тополь такой же взрослый, как и она. А раньше Саша смотрела на него сверху вниз, потому что он на двенадцать лет моложе ее.

К маме Саша теперь приходит в гости. У мамы всегда чисто и тихо, как и у Сашиной бабушки, живущей далеко-далеко. Она уже и сама стала бабушкой, Сашина мама, и даже прабабушкой, хоть и сопротивляется этому, и внуки зовут ее Верой. А папа дедушкой стать не успел.

Саша знает, что у бабушек по закоулочкам живут плюшевые мишки и всегда пахнет пирожками. Но бабушка Вера пирожков не печет. Во-первых, в Сашиной семье никто, кроме Сашиной бабушки (настоящей), пирожков не печет. Потому что диабетикам противопоказано сладкое печеное, а Сашина сестричка и Сашин папа оба больны диабетом. А во-вторых, Вера бабушка не вполне, да и прабабушка тоже. Мама — нет. Мама она настоящая. Но не мамистая. И Саша всегда страдает от этого.

Больше всего Сашина мама — прокурор, а прокуроры пирожков не пекут и, становясь бабушками, остаются спортивно подтянутыми Верами. В особо доверительных случаях — мамой Верой, мамочкой Верой.

Все семейство бабушки Веры, мамы Веры и прокурора Веры Георгиевны это точно знает.

Да, Саши стало уже много. Это Саша. Ее муж. Их дети.

Но это взрослая жизнь в новом доме, в новом городе, а на него надо смотреть через правое окно вагона, покидающего Одессу. И это совсем другая история.

Сашина память

Еще из детства выплывает стена второго христианского кладбища. Ее тоже видно из левого окна. Сразу за Среднефонтанской мелькнет мост над Люстдорфской дорогой. По мосту промчится скорый поезд, и Саша увидит желтую стену из ракушняка и кресты, и каменные стволы деревьев с отрубленными ветвями. Саше объяснили, что ветвей столько, сколько

человек не дожил лет. До чего не дожил? И Саша понимала, что все как раз наоборот, и считала обрубки-ветви. Но их всегда получалось слишком мало, чтобы согласиться, что это уже прожитые годы. Оказывается, считать надо было десятками.

Саша любила в детстве гулять по кладбищам. Напротив второго христианского было старое еврейское, теперь снесенное с лица земли. И в мае Саша с ребятами ломали здесь сирень. Она была махровая и крупная, и ветвь долго гудела. А Саша слушала и думала, что это гудят соки, которых много в кладбищенской земле, и пугалась.

На мертвом еврейском кладбище были любимые места. Например, футбольное поле. В заброшенной части, сразу за башней серого мрамора, — небольшое пространство, зелень и одуванчики распахало бутсами и куда-ми стоптанные могилы — по краям, отгородясь ими от всего на свете.

Саша вспомнила грустную историю. Девчонки в футбол не играют, их мальчишки гонят. Но она была допущена, потому что дралась и плевать хотела на мальчишек как предмет, составляющий главное счастье девчоночьих жизней.

Ребята ценили, как объяснил ей папа, рано и явно ее проявляющуюся женственность. Это было выше Сашиного понимания. Женственность — когда есть на что надевать лифчик, когда красишь глаза ядовитой тушью и кожа резиновая: улыбки, ужимки и губы бантиком. Саша знала другие улыбки, во весь рот, когда нет близко пацанов, и подружки смеются всею мордую, забыв, что лицо это не красит, а приводит к ранним морщинам. Саша и сама слыла неулыбой, но подозревала, что с этим не все так просто.

И вот был футбол, и Саша внезапно ощутила нечто такое, не выговариваемое. Какие-то новые токи жизни, как будто перелившись из махрового гудения сирени, пронзили ее и смутили сознание. Иначе с чего бы это она забила гол в свои ворота? Странное чувство сдернуло ее с поля, и она помчалась по кладбищенской дороге — в глубину, в густоту зелени, к заброшенным склепам.

Ничем не обоснованный стыд, не за гол, конечно, все в жизни бывает. Нет! Стыд чего-то, что Саша не смогла в себя вместить.

Ей было пятнадцать лет, и на следующее же утро она пошла в спортивный диспансер к подростковому врачу. Сашу мучил вопрос, где верхняя граница переходного возраста от девочки — к девушке? Нижнюю она уже знала, и явно не соответствовала. Сашу успокоили, но испуг в ней жил до тех пор, пока однажды она не пришла к папе и не сообщила ему мрачно, что в футбол больше не играет. Что пацаны перестали ее держать за человека.

— Что же ты сотворила? — удивился отец.
— Я выросла, и у меня появились женские проблемы.
— И как ты собираешься уживаться с ними? — серьезно осведомился он.
— С проблемами?
— С мальчишками.
— Никак. Я буду их обходить.
— А ты иди к ним, — сказал папа.
— А проблемы?
— Вместе с проблемами. Женщина, Сашка, это тоже интересно. К тому же, это лучшая половина человечества.

И Саша поверила папе.

Так вот, когда Саша бежала по диагонали пересекающей кладбище дороге, и уже обступили ее заросли со всех сторон, она провалилась в цементную яму. Глубокая, с небом, сжавшимся в квадратик, с полками, на которых стояли два ящика. Гробы! Орала Саша, орала, а потом засвистела разбойничьим посвистом, всегда собиравшим любопытных. Он выручил ее на этот раз.

Когда ее выволакивал из склепа за шиворот так, что трещала футболка, седой дядечка, то его тетка заверещала — ой, девочка! Как будто Саша была не нормальная девочка, а с того света.

Так у Саши и связалось первое женское ощущение с квадратиком неба над запрокинутой головой, безнадежность глухой серой ямы и гроб.

Что-то, еще не осознанное, уже подступило и обожгло. Что-то из настоящей взрослой жизни с концом света и девочкой, которая пугает своей беспомощностью взрослую женщину, в которую и сама Саша уже начала превращаться.

Москва

